

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ «ПРАКТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ» В ФИЛОСОФИИ ГЕГЕЛЯ

ВАЛЕНТИНА ОСИПОВА

В эпоху современной научно-технической революции и превращения науки в непосредственную производительную силу, в реальную духовную потенцию производства с особой актуальностью встает вопрос о соотношении материального и духовного начал в общественной практике, в предметно-чувственной активности общественного человека.

Основоположники научного коммунизма, создав цельную научную теорию общественной практики, показав материальную основу порождения второй, созданной формы объективной реальности и в то же время самопорождения общественного человека в ходе и в результате его практического отношения к природе, постоянно подчеркивали разумный, целесообразный характер деятельности человека. Целеполагающая деятельность человеческого мышления, порожденная всем ходом общественной практики и принципиально зависящая от него¹, в то же время в каждом актуальном акте практической деятельности предшествует предметно-чувственному действию. «В конце процесса труда, — писал К. Маркс в «Капитале», — получается результат, который уже в начале этого процесса имеется в представлении человека, т. е. идеально»². Более того, подчеркивая роль сознательного начала не только в результате, но и в процессе практического отношения к природе, в ходе материально-производственного труда общественного человека, К. Маркс специально отмечал, что осознанная цель «как закон определяет способ и характер его действий...»³.

В свете сказанного приобретает новый интерес рассмотрение некоторых сторон учения Гегеля, касающихся, в частности, проблем соотношения теоретической и практической идеи (познания), цели и средства. Это особенно важно в связи с тем, что, как отмечал К. Маркс, Гегель был одним из тех философов, который на идеалистической основе развивал учение о предметной активности человека⁴, а В. И. Ленин именно в этих разделах системы немецкого идеалиста видел отдельные зачатки исторического материализма⁵.

¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 171.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 189.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 189.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 4.

⁵ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 171, 172, 286.

Учение о теоретическом и практическом познании в системе Гегеля вплетено, в полном соответствии с объективно-идеалистической сущностью его философии, в ткань саморазвития идеи, проходящей три основные формы своей самореализации: от категории «жизнь» через «познание» к абсолютной «идее». «Идея, как процесс,—писал Гегель,—проходит в своем развитии три ступени. Первую форму идеи представляет собой жизнь... Вторую ее форму... — идея как познание, которое выступает в двойном образе, в образе *теоретической* идеи и в образе *практической* идеи. Процесс познания имеет своим результатом восстановление единства, причем это единство обогащено различием и это дает третью форму, форму абсолютной идеи»⁶.

В этом самодвижении идеи от своего инобытия, своей превращенной формы через познание к абсолютному духу В. И. Ленин увидел отражение в мистифицированной форме реального процесса возникновения и развития практического и теоретического отношения человека к действительности, сложного процесса синтетического взаимодействия теоретической рефлексии и предметно-чувственной практики в движении к объективной истине. В. И. Ленин, оставивший непревзойденнейшие образцы материалистического прочтения Гегеля, интерпретируя приведенное выше положение, писал: «...Идея, т. е. *истина* как процесс... проходит в своем развитии три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий *практику* человека и *технику*; 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины). Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа. Проверая и применяя в практике своей и в технике правильность этих отражений, человек приходит к объективной истине»⁷. Такова материалистическая интерпретация мистифицированной Гегелем диалектики объективного бытия.

Следуя разработанной В. И. Лениным методологии материалистического прочтения системы выдающегося диалектика, попытаемся углубиться в анализ II формы бытия идеи, в область познания, обратив особое внимание на замечание Гегеля о том, что идея как познание «является в двойном образе *теоретической* и *практической* идеи». Фундаментальное, базовое истолкование этой дихотомии идеи познания на две взаимосвязанные и взаимопроникающие формы, как мы показали выше, дано В. И. Лениным. Теоретическая идея есть теоретическая рефлексия, отражение в мышлении динамики действительности, а практическая идея — практика, включенная в познание в качестве ее основы и критерия истинности познавательного процесса.

Отталкиваясь от этой основополагающей интерпретации практической и теоретической идеи, попытаемся раскрыть еще одну, подчиненную этой первой, идею, заложенную, на наш взгляд, в понятие диалектического единства теоретической и практической форм познания.

⁶ Гегель, Сочинения, М.—Л., 1930, т. 1, стр. 326.

⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 183.

Известно, что для объективного идеалиста Гегеля развитие бытия есть движение идеи, диалектика идеи — абсолютного духа. Но само это идеальное развитие в одухотворенной, идеализированной форме передает не только общий абрис, но, подчас, и конкретные формы развития материального и социального бытия. Исходя из этого, В. И. Ленин отмечает отдельные зачатки исторического материализма у Гегеля. С этой точки зрения особое значение приобретает учение Гегеля о взаимной дивергенции практического и теоретического познания и формах взаимодействия между ними. Если оставаться верным духу и букве гегелевского текста, то следует отметить, что под практической идеей немецкий мыслитель понимал не только самую практику, но и духовную потенцию, мыслительный, познавательный момент в практической деятельности. Подчеркивание наличия такого момента в предметно-чувственном отношении субъекта к внешнему миру, более того, сведение, по существу, общественной практики к ее духовному моменту — к идеальной мысленной деятельности — весьма характерно для основной траектории системы абсолютного идеализма и отражает фундаментальную характеристику гегелевского учения, для которого взаимоотношения духа с ее превращенной формой, с ее инобытием — природой и есть единственная, подлинно реальная философская форма взаимоотношений субъекта с объектом. Не случайно К. Маркс, характеризуя гегелевское отношение к основной форме общественной практики, к материально-производственному труду, подчеркивал, что «Гегель знает и признает только один вид труда, именно *абстрактно-духовный труд*»⁸.

И тем не менее в гегелевской дихотомии идеи на теоретическое и практическое познание таится рациональное зерно, некая превращенная форма реального процесса познания, которое исторически, с момента выделения теоретической деятельности в специфическую, особую форму социальной деятельности общественного человека раздваивается на две взаимосвязанные, взаимопроникающие, взаимообусловленные формы мыслительной деятельности — теоретическую и практическую формы познавательного процесса. Теоретическая форма познания, обусловленная и генетически и основными фазами своего развития предметно-чувственной общественной практикой, непосредственно не входит в понятие «практика», находясь в то же время в постоянном взаимодействии с ней. Вторая форма познания — практическое познание — является необходимым, специфически субъектным, человеческим моментом общественной практики, ее духовной потенцией, моментом, находящимся в неразрывной связи с материально-предметным действием, обусловленным им и в то же время как закон, определяющим способ и характер действия субъекта труда⁹.

К материалистическому анализу сложного и разветвленного процесса взаимодействия духовного и материального, познавательного и

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 42, стр. 159.

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 189.

действующего моментов в общественной практике и, в частности, в материально-производственном труде мы обратимся ниже. Здесь же представляется целесообразным обсудить связанный с ним другой вопрос — вопрос о специфике и различии двух форм познания — практического и теоретического.

В гегелевском рассмотрении понятия «познание» симптоматично не только его разделение на два типа («идея как познание является в двойном образе *теоретической* и *практической* идеи»), но и попытка выявления основных черт каждого из них. Именно здесь проявляется гениальная интуиция немецкого мыслителя, сумевшего в нем же созданных мистифицированных хитросплетениях движения идеи угадать (подчеркиваем слова Ленина — «угадать, не больше») реальный тип взаимодействия и субординации черт и качеств как теоретического познания, так и познания практического — духовной потенции предметно-чувственной общественной практики. Раскрывая свое понимание отличия практической идеи от теоретической, Гегель писал: «в *теоретической* идее субъективное понятие, как всеобщее, само по себе лишенное определений, противостоит объективному миру, из которого оно берет себе определенное содержание и наполнение. В *практической* же идее это понятие противостоит как действительное действительному... Оно выступает с достоинством чего-то абсолютного, т. к. оно есть тотальность понятия внутри себя, объективное, имеющее вместе с тем форму свободного единства и субъективности. Эта идея *выше* идеи рассмотренного нами познания, ибо она обладает достоинством не только всеобщего, но также и безоговорочно *действительного*»¹⁰.

Ленин, характеризуя главную идею приведенного отрывка, подчеркивает основное — «практика выше (теоретического) познания»¹¹. Отталкиваясь от этой оценки, можно с достаточным основанием утверждать, что, согласно Гегелю, практическая идея (= истина = познанию) как составная и неотъемлемая сторона общественной практики выше идеи теоретической, ибо последняя обладает лишь достоинством всеобщности, но не действительности и противостоит объективному миру как нечто лишенное определения и черпающее свое содержание из действительного мира. По Гегелю содержание практической идеи также черпается из реальной действительности, но она, практическая идея, как нерасторжимый момент предметно-чувственного, материального процесса направлена во вне субъекта и подобно самому объективному миру непосредственно обладает достоинством действительности. Цель практического познания, подчеркивал Гегель в отличие от цели теоретического познания, направлена «не на себя, чтобы принять в себя некоторое данное определение и усвоить его себе, а скорее направлена к тому,

¹⁰ Гегель, Сочинения, т. VI, М., 1939, стр. 289—290 (везде подчеркнуто мною — В. О.).

¹¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 195.

чтобы положить свое собственное определение и посредством снятия определений внешнего мира дать себе реальность в форме внешней действительности»¹². Этот процесс положения практической идеи во вне себя может реализоваться, согласно Гегелю, через цели добра и воли, т. е. через предметно-чувственное действие. «...Практическая идея считает эту действительность (которая вместе с тем противостоит ей как непродолимый предел) тем, что само по себе ничтожно, и что должно получить свое истинное определение и единственную ценность лишь через цели добра. Воля поэтому лишь сама преграждает себе путь к достижению своей цели тем, что она отделяет себя от познания и что внешняя действительность не получает для нее формы истинно-сущего: идея добра может поэтому найти свое дополнение единственно только в идее истины»¹³. Здесь чрезвычайно важно вновь подчеркнуть, что, согласно Гегелю, практическая идея может положить себя во вне, т. е. реально осуществить свою цель по преобразованию природы только через цели добра и воли, т. е. через предметно-чувственное действие. Однако здесь симптоматичен поворот гегелевской мысли, характерный для объективного идеалиста. Провозгласив добро и волю в качестве средства реализации практической идеи во вне, немецкий мыслитель, казалось, должен был бы подчеркнуть напрашивающийся вывод о том, что в связи со сказанным практическое познание, целеполагание не должно отделять себя от действия — как единственно реального способа своего предметного воплощения. Однако Гегель прибегает здесь к превращенной формуле — предостерегая *действие* об опасности отрыва от *познания*. Конечно, это предостережение уместно, и Ленин, комментируя приведенное место, справедливо отмечает: «Воля человека, его практика, сама припятствует достижению своей цели... тем, что отделяет себя от познания»¹⁴. Но характерно то, что оно (это предостережение) раскрывает траекторию мышления философа-идеалиста, прежде всего озабоченного тем, чтобы предметно-чувственное действие одухотворить разумом, а не оплодотворить дух реальным действием.

В этой постановке проблемы сфокусирована противоречивость гегелевской системы — ее сила и слабость. Гегель близок к материализму, когда специфицирует практическое познание как духовную потенцию практики, как силу разума, сознательную цель, определяющую способ и направление предметно-чувственной деятельности («воля», «добро»); он проявляет незаурядную проницательность, когда, противопоставляя практическое познание теоретическому, подчеркивает, что первое выше второго, как обладающее подлинной действительностью, выражающейся в ее цели положить себя во вне, предметно реализовать себя в природе. Гегель угадывает реальную картину предметно-материальной действительности, когда показывает действительную практическую си-

¹² Гегель, Сочинения, т. VI, стр. 290.

¹³ Там же, стр. 293.

¹⁴ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 197.

лу разума. «Разум, — пишет он, — столь же хитер, сколь и могущественен» и, разъясняя тайну хитрости и могущества разума, видит ее не в теоретическом отношении к действительности, не в свойстве мысленного удвоения, отражения мира, а в «опосредствующей деятельности» (подчеркнуто мной — В. О.), которая, позволив объектам действовать друг против друга соответственно их природе и истощать себя в этом взаимодействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь *свою* собственную цель»¹⁵. Но тот же Гегель в полном соответствии с духом системы абсолютистского идеализма идет дальше. Для него практическая идея, по существу, тождественна самой практике. Он, как это неоднократно отмечалось в марксистской литературе, абсолютизирует духовный момент практики, превращает его в некую духовную тотальность, которая вбирает в себя не только предметно-чувственное, материально-производственное действие субъекта, но предметные, реальные результаты действия. Эта идея немецкого идеалиста проходит красной нитью через многие его сочинения. В «Феноменологии духа» Гегель пишет: «...Та сторона в-себе-бытия или вещиности, которая приобрела форму в труде, не есть какая-либо иная субстанция, как только сознание, и нам обнаружилась некоторая новая форма самосознания...»¹⁶. В «Философии истории», конкретизируя выраженный выше абстрактный тезис о характеристике орудий труда, Гегель подчеркивает, что «эти человеческие изобретения принадлежат духу и такие орудия следует ставить выше, чем предмет, «существующий в природе»¹⁷. Именно поэтому для объективного идеалиста Гегеля приобретает первостепенную важность не бессилие духа, оторванного от предметно-чувственного, актуального действия, а немощь действия («воли»), отделяющего себя от духа, от познания¹⁸. Однако при всей безусловной идеалистичности исходных позиций и заключительных выводов Гегеля его рассуждения о месте и роли практической деятельности, об иерархии двух форм познания, о подлинной действительности практической идеи, обращенной во вне и реализуемой в природе, представляют для марксиста-исследователя определенный интерес.

Выше мы попытались показать, что при оценке теоретической и практической форм познания Гегель зачастую отдает приоритет практической идее, рассматривая ее то как самую практику, то в качестве духовного момента практики, момента той «хитрости» и могущества разума, который придает действию сознательный и целеположенный характер и в неразрывном единстве с «волей» — предметно-чувственным действием — принуждает природу служить целям человека.

Однако гегелевская система иерархии категорий не завершается установлением приоритета практической идеи над теоретической. Гегель в

¹⁵ Гегель, Энциклопедия философских наук, ч. I—Логика, М., 1974, стр. 397.

¹⁶ Гегель, Сочинения, т. IV, М., 1959, стр. 107.

¹⁷ Гегель, Сочинения, т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 227.

¹⁸ Гегель, Сочинения, т. VI, стр. 293.

ряде своих работ («Логика», «Философия истории», «Философия права») развивает указанную выше идею уже на анализе соотношения практического познания (целеполагания) и средств — материальных орудий реализации цели.

В основе этого нового аспекта анализа перехода идеи во вне себя, в природу лежит концепция Гегеля о двух формах объективного процесса — природного (по терминологии Гегеля — механизм и химизм) и целеполагающей деятельности человека. Рассмотрение целеполагающей деятельности общественного человека как второй формы объективного процесса было высоко оценено В. И. Лениным в «Философских тетрадях» и получило в этой работе свою действительно научную диалектико-материалистическую формулировку¹⁹.

Целеполагающее начало, согласно Гегелю, присуще лишь второй форме объективного процесса и является одной из сущностных ее характеристик. Целеположенное действие, подчеркивает Гегель, не есть тотальная субъективация объекта. Цели не привносятся в объект. Цель, по Гегелю, «сама находится еще внутри объективности...», поэтому «она еще испытывает воздействие внешности как таковой и ей противостоит некоторый объективный мир, с которым она соотносится»²⁰. Соотнесенность субъективной цели объективной действительности в данном случае, согласно Гегелю, носит не теоретический, а практический характер — целеположенная деятельность является «праведной» только тогда, когда она следует «объективным законам, которые не имеют субъективного происхождения, не могут быть произвольными и не допускают трактовки, извращающей их необходимость»²¹.

Логика конкретного анализа конкретного процесса подчас объективно приводит абсолютного идеалиста Гегеля к удивительным озарениям, которые дают основания В. И. Ленину характеризовать отдельные мысли немецкого философа как приближение к положениям исторического материализма. Именно к таким отрывкам, входящим в прямую конфронтацию с общим духом гегелевской системы, относится анализ соотношения идеальной цели и материальных средств ее реализации. Устанавливая определенную субординацию между целью и средством, Гегель писал: «Так как цель *конечна*, то она, далее, имеет некоторое конечное содержание; тем самым она не есть нечто абсолютное или нечто безоговорочное, само по себе разумное. *Средство* же есть внешний средний термин заключения, которое представляет собой выполнение цели; в средстве поэтому разумность цели являет себя как разумность, заключающаяся в сохранении себя в этом внешнем другом и как раз через эту внешность. Поскольку средство есть нечто более высокое, чем конечные

¹⁹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 170. Подробнее о ленинском анализе двух форм объективного процесса см. С. С. Томасян, Философские проблемы труда и техники, М., 1972, стр. 65—127.

²⁰ Гегель, Сочинения, т. VI, стр. 196.

²¹ Там же, стр. 162.

цели внешней целесообразности: плуг почтеннее, чем непосредственно те наслаждения, которые готовятся им и являются целями... В своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, хотя в своих целях он скорее подчинен ей»²². Наконец подлинным панегириком практически активному отношению человека к природе, созданным им материальным орудиям и средствам реализации цели является известная идея Гегеля, выраженная в наиболее непосредственной форме в его «Философии истории»: «человек с его потребностями практически относится к внешней природе и, удовлетворяя при ее посредстве свои потребности и истощая ее, он играет при этом роль посредника. А именно, предметы, существующие в природе, могучи и оказывают разнообразное сопротивление. Чтобы справиться с предметами, человек вставляет между ними другие предметы, существующие в природе; следовательно, он пользуется природой против самой природы и изобретает орудия для достижения этой цели»²³.

Необходимо подчеркнуть, что указанные фрагменты, естественно, не перерастают в цельную систему. Они не только входят в резкое противоречие с основами идеалистической системы Гегеля, но и почти всегда практически обесцениваются существенными оговорками, имеющими целью привести материалистические озарения, являющиеся результатом непосредственного анализа реальной природной и социальной действительности, в соответствии с основоположениями системы абсолютного идеализма. Так, констатируя, что «средство есть нечто более высокое, чем конечные цели внешней целесообразности», Гегель считает необходимым подчеркнуть, что речь идет о *конечных* целях, а не абсолютной цели, которая «обладает... внемировым существованием»²⁴; отмечая значение «воли» как актуальности предметного действия, Гегель считает необходимым оговорить, что «воля есть особый способ мышления: она есть мышление как перемещающее себя в наличное бытие...»²⁵; и, наконец, говоря о могуществе орудий труда, он считает необходимым отметить, что «эти человеческие изобретения принадлежат духу, и такое орудие следует ставить выше, чем предмет, существующий в природе»²⁶. Однако сила и значение философии Гегеля не в этих оговорках, не в идеалистической системе в целом. Сила и непреходящее значение Гегеля в его диалектическом методе, который, подчас разрывая ткань идеалистической системы, позволял ему приходить к гениальным догадкам, в том числе, по некоторым существенным сторонам философского осмысления социальной жизни общественного человека.

²² Там же, стр. 205. Именно в связи с цитированным местом В. И. Ленин дважды замечает: «Зачатки исторического материализма у Гегеля». «Гегель и исторический материализм» (В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 171—172).

²³ Гегель, Сочинения, т. VIII, стр. 240.

²⁴ Гегель, Сочинения, т. VII, М.,—Л., 1934, стр. 33.

²⁵ Гегель, Сочинения, т. VI, стр. 199.

²⁶ Гегель, Сочинения, т. VIII, стр. 227.

ՀԵԳԵԼԻ ՓԻԼԻՍՈՓԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ «ՊՐԱԿՏԻԿ ԻԴԵԱ»

ՀԱՍԿԱՑՈՒԹՅԱՆ ԲՆՈՒԹԱԳԻՐՄԱՆ ԱՌԹԻՎ

ՎԱԼԵՆՏԻՆԱ ՕԱԻՊՈՂԱ

Ա մ փ ո փ ու մ

Գիտատեխնիկական հեղափոխության դարաշրջանում հաստատված սյուսման համակարգում առանձնակի ակտուալ նշանակություն է ստանում նյութական ու հոգևոր սկզբունքների փոխհարաբերության հարցը: Այս առումով ուշադրով է Հեգելի ուսմունքը տեսական ու պրակտիկ իդեայի, տեսական ու պրակտիկ ճանաչողության մասին:

Ճանաչողական գործունեությունը մարդկային ճանաչողության փոխադարձ ներթափանցված և փոխադարձ պայմանավորված երկու ձևի՝ տեսական ու պրակտիկ և այսպես կոչված պրակտիկ ճանաչողության, բաժանելու վերաբերյալ հեգելյան գաղափարը, ճանաչողություն, որը հանդես է գալիս որպես պրակտիկ գործունեության հոգևոր մոմենտ, ոչ միայն պատմա-փիլիսոփայական հետաքրքրություն է ներկայացնում, այլև որոշակի նշանակություն ունի ընկալելու համար գիտության՝ արտադրողական ուժ դառնալու պրոցեսը: